

«Войной рождённые поэты» и...

169

равнодушием мирным

Великая Отечественная давно закончилась, но жар от её пожарищ и взрывов до сих пор обжигает писателей и режиссёров, художников и музыкантов. Многие черпают из той трагедии – кровавого моря! – вдохновение. Если ты на ней не был, не прошёл сквозь шквал огня и не надышался горьким порохом, то как об этом писать, художественно воспроизводить, снимать? Видимо, всё-таки главное здесь степень дарования. Вспомним по этому поводу, что не воевавший по причине малолетства Владимир Высоцкий писал проникновенные стихи о войне, которые по силе воздействия не уступали произведениям поэтов-фронтовиков.

Настоящее творчество предполагает экстаз с возможным перемещением отсюда туда – из тёплой квартиры с полным холодильником в холодный окоп с оторванными руками-ногами товарищей, который поливается раскалённым железом. Конечно, не всем это дано...

Я стал читать и перечитывать стихи о войне представителей разных поколений казанских поэтов. Вот поэт и прозаик, фронтовик-пограничник, встретивший Великую Отечественную одним из первых и закончивший одним из последних, Геннадий Паушкин в стихотворении «Твоя карточка» пишет просто, не сочиняя, протягивая читателю правду из первых рук. Вышло очень убедительно:

Мы ночью плыли через Дон –
Хлестал волну свинец,
Свистела смерть со всех сторон –
И думалось: конец!..
Но вот уж берег недалёк,
И сколько было сил,
В последний я вложил рывок –
И смерть опередил...

Леонид Топчий всю войну провёл в сибирских лагерях, в атаку, значит, не ходил и с жизнью перед боем не прощался. Говорят, он был «под немцем» в Харькове. Возможно, там и подсмотрел то, что потом описал в своей «Гармонии»:

Играл германец на гармонике
Вокруг столпившимся друзьям,
Мотив выдавливая тоненький,
Совсем чужой её мехам.
Играл баварец складно, худо ли,
Но не качал он головой,
Не поднимал её от удали,
Не опускал её с тоской.
И как бы клавиши ни гладила
Пришельца бледная ладонь,
С чужою песнею не ладила
Военнопленная гармонь.
И даже вздрагивала вроде бы,
Мехами алыми дыша,
Как будто в ней по вольной родине
Рыдала русская душа.

Сергей Говорухин, выпускник Казанского университета, сын известного режиссёра, признался: «Память бродит – переносит в те военные года...» Для него война не была киношкой с пиротехническими взрывами. Сергей Станиславович потерял ногу в Афганистане. Конечно, это не Великая Отечественная, но всё равно – война. И рассуждал о ней он как солдат, а не как романтический мальчик-мажор, которого папа со связями должен был вытащить из передраги и прикрыть:

Войной рождённые поэты
Не возвращаются с войны –
Мы между тем и этим светом
Отныне быть обречены.

Когда же нашу оболочку
Смиранный обозначит крест,
Вы не спешите ставить точку –
Мы будем там и будем здесь.

Мы, круг смыкая, – не уходим,
Строкою прорастая в вас.
Нам в лист учётный пишут: «Годен,
Отправлен временно в запас».

Подлинными таланты, как, например, наши современники Иван Данилов, Тимур Алдошин, не воевали, тем не менее священная тема Великой Отечественной была для них по большому счёту кровной, засевшей в душе каким-то неведомым осколком. Наверное, такой осколок сидел и в душе Владимира Высоцкого.

Но вот недавно в руки мне попал молодёжный журнал за 2013 год, посвящённый Дню Победы. Начинаясь номер со стихотворения казанского сочинителя Наиля Ишмухаметова под обязывающим ко многому названием «Девятое мая». В то время он являлся ответственным секретарём этого издания и мог сам принимать решение, кого публиковать и каким образом. Себя как автора он уважал и написанное собою частенько ставил во главу номера в виде стихотворений-передовиц. Некоторые из читателей «КА» обвинят меня в предвзятости. Поэтому предлагаю прочитать этот стишок вместе со мной и разобраться в сути напечатанного. Итак...

Сегодня – девятое мая.
Обычное утро как утро.
Весеннее солнце как солнце.
И чистое небо как небо.

Подушка привычно помята.
 Не спал, а боролся как будто.
 На завтрак – овсянка без соли,
 Без вкуса, без масла, без хлеба –
 ...Диета...

Поначалу подумалось, что лирический герой этого стиха – школьник, всю ночь боровшийся со своей подушкой и позабывший, в какой день он проснулся. Лишь одно слово «диета» в конце перечислений выбилось из детской лексики.

Читаем дальше:

На улице – праздник как праздник...

Ничего себе «праздник как праздник»! Многие праздники давно почили в бозе, но День Победы для нас всех остался особым днём, торжественным – и радостным, и скорбным одновременно, таким, как в песне поётся, «со слезами на глазах».

На митинг спешат ветераны...

На какой такой митинг? Не митинговать, а на парад, должно быть, всё-таки ветераны спешат-то при «наградах парадных»? (См. про парадные награды далее.)

Жена ворошит палисадник,
 Крыжовник мне руку поранил –
 Ему городил я ограду...

Крыжовник в палисаднике? Ну да ладно! Главное в стихотворении, посвящённом Дню Победы, появляется военная терминология. Лирический герой поранил руку... Правда, всего лишь о крыжовник. Теперь окончательно понятно, это не мальчишка перед нами, для которого «утро как утро» и «праздник как праздник», а сам автор – Н. Ишмухаметов, который трудится в палисаде с женой.

Читаем дальше:

А мимо, в наградах парадных...

Но парадными бывают мундиры, одеяния, но не награды. Здесь автор, скорее всего, имел в виду, что ветераны идут на праздник при орденах и медалях, а не с будничными орденскими планками на груди.

Сосед наш – Адам Самуилыч
 С супругой – не Евой, но Раей...
 Не кушал он яблочек райских,
 В сраженьях за хлеб Ленинграда
 Отведал блокадного ада...

Что это за сражение – «за хлеб Ленинграда»? Были у Гитлера планы овладеть «углём Донбасса», «нефтью Баку», «плодородными землями Кубани» и т. д. Но Ленинград хлеб не выращивал. И в каких же это сражениях за хлеб принимал участие Адам Самуилыч? Не в блокадных же очередях за хлебом! Возможно, всё-таки он защищал осаждённый Ленинград или участвовал в прорыве блокады? И совсем нелепы здесь явно за хвост притянутые псевдопоэтические Евы, Раи, райские яблочки... Решил, стало быть, словами поэт поиграть, продемонстрировать своё поэтическое мастерство.

Поздравил его с Днём Победы,
 А он мне в ответ, мол, до свадьбы
 Пройдут все обиды и беды,
 Лишь новой войны не узнать бы...
 ...Вовеки...

До какой свадьбы, если жена тут же рядом «ворошит палисадник»? До второй, третьей? Неужели Самуилыч не признаёт супругу своего соседа? И потом – что за «беды»? Пораненная рука соседа о крыжовник, что ли? И по этому пустяковому поводу фронтовик начинает философствовать о новых войнах?

Назавтра – десятое мая,
На завтрак – диета без вкуса...
Адам Самуилович грустный
Вернётся с заплаканной Раей...

Почему Рая заплакана? Непонятно. Ну да ладно! Главное, в стихотворении, посвящённом Дню Победы, опять появляется военная терминология:

А я буду снова изранен
В бою, но пленю злобный кустик.

172

Ишмухаметов, израненный в бою, но твёрдо решивший в День Победы пленить кустик (даже не кустарник) крыжовника, способен вызвать лишь усмешку. А ещё сожаление за священную тему, которую он походя уравнивал с потешным боем в мирном палисаднике и бессонной борьбой с подушкой. По этим стишкам, где в изложении задуманного ни логики, ни здравого смысла, ни точности (правильности, грамотности), прекрасно видно, что сочинительство для автора – лишь баловство, и никакой ответственности за сочинённое и напечатанное он не несёт. Не будем говорить о преднамеренном опошлении всенародного праздника. Глупость – она не имеет границ. И равнодушие: война войной, победа победой, а моя хата с крыжовником с краю!..

И поставил ответсекретарь свою нетленку, повторюсь, в зачин номера, посвящённого Дню Победы, на самое видное, «парадное» место. К тому же украсил гвоздиками и георгиевской лентой с орденом Отечественной войны.

И я подумал, что процитированную ахинею Ишмухаметова всё-таки надо нейтрализовать, прикрыть настоящими стихами, рождёнными израненным войной сердцем. Я достал с полки томик Степана Щипачёва и зачитался. Нет, не про смертный бой, а про те цветы полевые, которые спустя всего час будут измяты гусеницами и сапогами иноземного захватчика, и начнётся большая война.

Казалось, было холодно цветам,
И от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
И пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки.

Чувствуете разницу между двумя авторами? В искренности, точности, культуре, гражданской позиции, образности, в даровании... Во всём том, что не купишь, как кустик крыжовника, на базаре.

